

© 1997 г. Л. ЯСАН

О ПРИНЦИПАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ВИДОВОЙ ПАРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Видовую парность (соотносительность) принято считать не только одним из основных понятий славянской аспектологии, но, в силу высокой степени грамматикализации процесса имперфективации (отчасти и перфективации), и "исключительным свойством" славянского глагола. Именно наличие чисто грамматической и, как правило, достаточно регулярной имперфективации позволяет говорить о славянском виде как о морфологической категории. Отсутствие же аналогичного процесса и тем самым чисто видовых корреляций в неславянских языках относит всю проблематику вида в этих языках к области синтаксиса и лексики. Согласно сказанному, понятие видовой пары достаточно точно и единообразно определяется в научной литературе: общим и наиболее существенным элементом в имеющихся дефинициях является то, что глаголы, образующие видовую пару, не различаются лексическим значением, их отличие заключается лишь в значении вида (в наличии/отсутствии признаков целостности и ограниченности действия пределом). Поскольку одной из сторон изучения видовой соотносительности является изучение лексической тождественности двух глаголов, противоположных по виду, можно было бы ожидать, что в этой области спорные вопросы аспектологии уже давно решены. Однако проблема видовой парности, заинтересовавшая многих языковедов (из ряда работ см. [Мучник 1956; Маслов 1958; Исаченко 1960; Бондарко 1975]), решается по-разному и дискутируется по сей день (см., в частности, [Гловинская 1982б; Lehmann 1988, Падучева 1989, Черткова 1995]). Отсутствие окончательного решения рассматриваемой проблемы объясняется разными причинами, – мы выделим следующие из них.

Во-первых, видовые корреляции семантически разнородны, они распадаются на разные классы. В монографии М.Я. Гловинской [Гловинская 1982а] различаются четыре стандартных типа, однако с учетом нестандартных типов [Падучева 1989] или согласно другой типологизации их число гораздо больше.

Во-вторых, объективно доказать абсолютное лексическое тождество в оппозиции противоположных по виду глаголов оказывается не всегда просто, прежде всего в глагольных парах, возникших в процессе так называемой "чистовидовой" перфективации, в которой могут участвовать многочисленные приставки, имеющие избирательный семантический характер по отношению к глагольной основе и не всегда создающие одинаковую семантическую близость соотносительных глаголов.

Несмотря на то, что согласно единой дефиниции видовой пары в качестве соотносительных глаголов должны были бы признаваться одни и те же противопоставления, в разных словарях (в толковых и двуязычных) при описании видовых пар все-таки нет единства. Более того, узкое и широкое понимание видовой пары известно и в аспектологии, оно основывается на принципиальном различении приставочных пар (возникших при перфективации) и суффиксальных пар (образованных путем имперфективации), так как в этих двух видообразующих процессах в целом обнаруживается разная степень грамматичности. Такой дифференцированный подход к видообразованию имеет уже давнюю традицию, причем акценты касательно статуса

приставочной пары могут быть разными (см. [Карцевский 1962: 229, Маслов 1958]). В последнее время наблюдается тенденция к признанию приставочной пары в качестве чисто видовой [Гловинская 1982б], более того, в круг приставочных пар включаются и противопоставления по делимитативному способу действия [Булыгина 1983 : 82–83]. В отдельных работах встречается и крайне широкое определение данного понятия, объединяющее в пару (на основании функционирования глагола НСВ по отношению к глаголу СВ) такие глаголы как, например, *идти* и *пойти*, *искать* и *найти*, *продолжаться* и *продлиться* [Черткова 1995 : 120]. Можно предположить, что расширению понятия видовой пары способствовало и отрицание многими лингвистами видообразования как словоизменительного типа. Эта точка зрения на данную проблематику рассматривается в заключительном разделе.

Наша концепция построена на функциональном принципе и имеет интегрирующий характер: всю полемику о том, существуют ли помимо морфологически идеальных суффиксальных корреляций и приставочные пары и являются ли они также "подлинными", "полноценными", можно просто обойти, если представить и охарактеризовать сложившиеся здесь отношения в полевой структуре, по принципу центра – периферии. Видовая соотносительность – это особое понятийное поле, в котором функциональные свойства парности обнаруживаются неодинаково – то в полной, то в неполной мере. В случае морфологически разнотипных пар на самом деле создается разная степень семантической близости. Соответственно этому, в таком поле признаки семантической спаянности видовых пар проявляются диффузно, с разной степенью сгущенности, образуя ядро и периферию, а между ними широкую переходную зону с нечеткими границами. Представление пар в полевой интерпретации не снимает строгих семантических и функциональных критериев видовой пары: они безоговорочно и максимально осуществляются в центре (но только в центре) поля соотносительности, однако если мы удаляемся от центра и подходим все ближе к периферии, то, соответственно, строжайшие критерии все в меньшей мере сохраняют силу. Таким образом, исходя из семантической близости глаголов и опосредованно из их функционирования, устанавливается иерархия разного рода соотносительных корреляций. Этот подход к понятию видовой парности органически входит в ту лингвистическую модель описания языковых явлений, которая опирается на принцип функционально-семантических полей, последовательно применяемый в работах А.В. Бондарко (см., в частности [Бондарко 1983]).

Интерпретация видовой парности в полевой структуре делает возможным комплексное, многоаспектное рассмотрение данной проблематики, такое описание интегрирует в некотором отношении различные (и даже стоящие далеко друг от друга "непримиримые") точки зрения на границы видовой корреляции. Мы подчеркиваем это и потому, что критерии соотносительности анализировались в литературе в первую очередь со стороны перфективации (одним из исключений является работа А.В. Бондарко [Бондарко 1963]), и в этой связи существование чистовидовой функции приставки аспектологи то категорически отвергали [Карцевский 1962 : 229; Исаченко 1960 : 165; Ройзензон 1966], то устойчиво "реабилитировали", приравнивая этот процесс к имперфективации, связывая его даже с формообразованием глагола [Тихонов 1964; Mulisch 1969]. Непрестанно возобновляющиеся и не очень плодотворные дискуссии о чистовидовой приставке ведутся, по-видимому, прежде всего в одном направлении: может ли приставка, абстрагировавшись, полностью освободиться от своего реального лексического значения, десемантизироваться в такой мере, чтобы "вносить" в глагол только значение СВ? Утвердительный ответ на этот вопрос можно дать в том случае, если согласиться с тем, что собственно реальное значение префикса (или сохранившиеся следы его реального значения) находятся в семантическом соответствии с лексическим значением основы исходного глагола. Однако при этом с функциональной точки зрения не важно, "выветривается" ли префикс полностью, достигая максимальной абстрагированности (*делать* – *сделать*, *просить* – *попросить*), или ощущаются некоторые следы его первоначального реального значе-

ния (*писать* – *написать*, *пахать* – *вспахать*, *делить* – *разделить*), – в конечном счете важно то, что при употреблении эти пары (например, *делать* – *сделать* и *писать* – *написать*) не проявляют функциональных различий.

Если окажется, что префиксальная пара ведет себя так же, как суффиксальная (или никем не оспариваемая супплетивная) пара, точнее, если исходный глагол префиксальной пары функционально относится к своему перфективному корреляту так же, как имперфектив к перфективу суффиксальной (или супплетивной) пары, то следует признавать и префиксальные пары. Это естественно. Но вопрос состоит в том, признавать ли приставочные пары абсолютно равноценными суффиксальным парам? Ведущими представителями петербургской аспектологической школы (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко) и близких к ней направлений (М.А. Шелякин) их последовательное различение проводилось в плане словоизменения (суффиксальные пары) и словообразования (приставочные пары). В монографии М.Я. Гловинской [Гловинская 1982а] семантические типы видовых противопоставлений представлены лишь на материале суффиксальных пар, однако в других своих работах автор подчеркивает, что "семантический критерий выделения чисто видовых пар должен применяться независимо от формального" [Гловинская 1982б : 33], что при семантической классификации видовых пар "оказывается несущественным, каким формальным способом – суффиксальным, префиксальным и т.п. – образована данная пара" [Гловинская 1986 : 3].

В самом деле, функциональный подход может, по-видимому, и не учитывать особенности морфологического строения имперфективного глагола видовой пары. Наши наблюдения, однако, показывают, что большинство бесприставочных имперфективов не обладает некоторыми особенностями, присущими приставочным глаголам НСВ. Эти две морфологические разновидности парных глаголов НСВ ведут себя одинаково в большей части контекстов, но не во всех (при этом не учитывается то, что собственно транзитивные бесприставочные исходные глаголы в абсолютном употреблении чаще, чем приставочные имперфективы, выступают в неопределенном значении, обособляясь как глаголы относительных *imperfectiva tantum*). Для определения лексической тождественности членов видовой пары широко применяются две операции, предложенные Ю.С. Масловым [Маслов 1948 : 307; 1984 : 67]: это, с одной стороны, возможность транспозиции глагола СВ из плана прошедшего времени в план настоящего исторического (*написал* → *пишет*), и, с другой стороны, возможность итеративизации, т.е. трансформационный тест глагола СВ на многократность (*написал* → *писал*).

Бесприставочный глагол оказывается безупречным только при модификации контекстов: а) *Он всегда писал сочинение 10 минут*, б) *За час он писал несколько сочинений*.

С этой точки зрения небезразличен и тот факт, что в итеративно-результативной позиции часто (и не без основания) отдается предпочтение вторичному имперфективу собственно трехчленного соотношения (см. употребление глаголов типа *съесть*, *выучивать*, *прочитывать* и др.). Дело, по-видимому, не столько в степени абстрагирования и десемантизации перфективирующей приставки, сколько в отсутствии какой-либо приставки в исходном глаголе. Исходный глагол вступает в видовую корреляцию потому, что его основа является предельной. Однако сила проявления предельности бесприставочного глагола НСВ обычно уступает предельной семантике приставочного имперфектива – в нем предельность выражена дважды: приставка подчеркивает (и конкретизирует) предельное значение глагольной основы. Можно легко доказать, что именно различная степень проявления предельного значения регулирует функциональный механизм видов первичного и вторичного имперфективов при одном и том же общем перфективе, как, например, в случае *пахать* и *вспахать*, *слабеть* и *ослабевать*, *гибнуть* и *погибать* (см. [Veyrenc 1965; Маслов 1984 : 69; Петрухина 1990; Ясаи 1990; 1991–1992]).

Разумеется, утрата или высокая степень ослабления реального значения перфективирующей приставки – явление, тесно связанное с возникновением приставочных пар, однако оно заслуживает серьезного внимания тогда, когда "лексически пустой" префикс присоединяется к предельной основе. Только в этом случае можно считать упомянутые выше трансформации надежными способами для проверки лексической тождественности, – иначе, если не принять во внимание отсутствие предела в исходном глаголе, то и тест на противопоставление по делимитативному способу действия (типа *сидеть* – *посидеть*) дает позитивный результат, как если бы эти глаголы являлись парными. Также весьма сомнительной нам кажется "парность" неперфективного имперфектива *злиться*, который в словаре С.И. Ожегова имеет сразу три коррелята: *разозлиться*, *обозлиться*, *озлиться* [Ожегов 1989 : 33]. Выделение префиксальных корреляций более последовательно проведено в словаре "Русский глагол – венгерский глагол" [Апресян, Палл 1982], отличающийся при подаче префиксальных пар аспектологически большей обоснованностью, более последовательным учетом наличия или отсутствия признака предела в исходном глаголе НСВ. Представленный глагольный материал служит и примером того, что широкое понимание соотносительности (т.е. признание возможности образования префиксальной пары) не означает искусственного расширения этого понятия.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ВИДОВОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ В ПОЛЕВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рассмотрение проблемы видовой соотносительности в рамках полевой структуры по принципу центра – периферии не отвергает также крайне широкого понимания парности, однако предполагает дифференцированный подход к разным типам соотносительности.

1. С нашей точки зрения, очевидно, что центр разноуровневой иерархии соотносительных связей, ядро данного поля должны составлять суффиксальные пары. Прототипом рассматриваемой аспектуальной дихотомии в славянских языках является семантически наиболее тесно и полно соотносительная, морфологически идеальная пара (типа *записать* – *записывать*, *дать* – *давать*). Корреляты таких пар в русской лингвистике многими языковедами рассматривались в рамках глагольной парадигматики как формы одного и того же глагольного слова [Исаченко 1960 : 138; Маслов 1963 : 3; Бондарко 1971; Шелякин 1983 : 34]. Парадигматичность вида, как считают сторонники этой концепции, не опровергается и тем фактом, что лексическое расхождение (несовпадение отдельных внутриглагольных значений), характерное в первую очередь для приставочных пар, можно наблюдать и в суффиксальных парах. Расхождение в значениях при имперфективации не является полным (полное расхождение при *заблудиться* и *заблуждаться* служит примером одного из немногочисленных исключений). Как в аспектологии, так и в лексикографической практике считается общепринятым тезис, что "для признания видовой пары достаточно соотносительности по крайней мере в одном из значений" [Бондарко 1975 : 40], и в качестве единицы описания следует брать не глагол в целом, а одно из его лексических (словарных) значений [Апресян, Палл 1982; Гловинская 1982б : 28].

Тем не менее, и среди суффиксальных пар встречаются такие, которые, несмотря на их "морфологическое совершенство", представляются с другой точки зрения не идеальными. Дело в том, как это убедительно показал А.В. Бондарко на глаголах с приставкой *за-* [Бондарко 1963], что один из коррелятов суффиксальной пары иногда характеризуется крайней редкостью употребления. Их малоупотребительность может проявляться в обоих видах, но в большей части в образовании НСВ. В статье отдельно рассматриваются такие видовые образования, реальное существование которых в языке порой является спорным, но "потенциальная возможность индивидуального употребления не может быть исключена", и такие, которые являются

реальными, хотя и редкими. В первой группе отмечены, в частности, имперфективы *забаловывать, забривать, зазевываться, заколдовывать*, во вторую входят многочисленные образования, уступающие по частотности употребления соотносительным глаголам СВ (например, *заинтересовывать, заигрывать*). К образованиям СВ относятся лишь глагол *заискать* и несколько глаголов с возвратно-страдательным значением (*завинтиться, завеситься*) (см. [Бондарко 1963: 65–76]).

Разумеется, аналогичное явление, прежде всего в связи с имперфективацией, можно наблюдать и в других способах действия. В частности, глаголы *накуриваться, отмучиваться, дозваниваться, разбаливаться, уезживать, избивать* и другие являются морфологически безусловно возможными образованиями, а *презреть* и *наблюсти* – устаревшими глаголами СВ. Мы согласны с А.В. Бондарко в том, что из-за отсутствия частотного равновесия в употреблении соотносительных глаголов целесообразно выделить особый, "неравночастотный" тип видовой соотносительности [Бондарко 1963 : 70]. Определение места этих корреляций в иерархии поля не просто. В кругу неравночастотного типа корреляций следует выделить те окказиональные образования, которые помимо малоупотребительности отличаются и заметной искусственностью, индивидуализацией употребления и носят иногда отпечаток диалектного влияния [такими могут быть из образований НСВ: *уезжиться* при *уездиться*, *изъезжиться* при *изъездить*, *вылепливать* при *вылепить* (вместо *лепить*), а из образований СВ: *заискать* при обычном *заискивать*]. Такие окказиональные суффиксальные пары, естественно, не входят в ядро (они не могут рассматриваться в качестве прототипических пар), а вытесняются на периферию поля. Если, однако, существование имперфектива, несмотря на его сравнительно редкое употребление, является реальным (*заинтересовывать, дозваниваться, накуриваться, поскользываться*), то такие пары с "неполноправным" глаголом НСВ следует отнести к ядерной зоне, а именно к ее периферии. Такое различие, конечно, не всегда оказывается простым или даже возможным. Дело в том, что у разных образований ощущается разная степень искусственности. Надо иметь в виду и следующее обстоятельство: так называемые редкие имперфективы встречаются редко именно потому, что они, как правило, выступают только в многократном употреблении, но у некоторых действий кратная ситуация встречается сравнительно редко. Так, например, глаголы случайного действия обычно являются монотемпоральными, соотносятся с единичной ситуацией, и поскольку они практически не выражают ни процессного, ни общефактического значения, то в гораздо большей части случаев выступают в формах СВ, чем НСВ (*поскользнулся, промахнулся, обжегся, проговорился*). Редкость употребления соотносительных форм НСВ (*поскользнулся, промахивался, обжигался, проговаривался*) объясняется, следовательно, тем, что для случайных, произвольных действий не характерно регулярное повторение.

2. Связующим звеном между двумя основными морфологическими типами видовых пар (приставочными и суффиксальными, значительное число которых можно рассматривать как прототипические) являются трехчленные корреляции (тройки). В их образовании участвуют оба основных видообразующих процесса – перфективация (с чисто видовой функцией префикса) и имперфективация – как среди переходных глаголов (*пахать – вспахать – вспахивать, жечь – сжечь – сжигать*), так и среди непереходных, инхотативных (*гибнуть – погибнуть – погибать, слабость – ослабеть – ослабевать*). Такие трехчленные соотношения следует трактовать, как нам кажется, не как две морфологически разнотипные пары, имеющие общий коррелят СВ, а как тройки, представляющие одно аспектуальное единство. В таком единстве, как правило, первичный и вторичный имперфективы относятся друг к другу комплементарно, взаимодополняя аспектуально ограниченную функциональную сферу. Несмотря даже на возможность их функциональной синонимии, каждая грамматическая форма, вследствие отличия морфологической структуры, характеризует протекание действия по-своему. Если же рассматривать их не в единстве, а отдельно как приставочную и

суффиксальную пару, ни одна из них не окажется функционально полноценной (например, ни *читать*, ни *прочитывать* при общем корреляте *прочитать*), следовательно, морфологически "нормальная" суффиксальная пара типа *прочитать* – *прочитывать* не может считаться прототипической парой. Тем не менее, практически каждое соотношение требует индивидуального подхода. Например, в трехчленном соотношении *публиковать* – *опубликовать* – *опубликовывать* первичный и вторичный имперфективы не проявляют таких отличительных признаков в аспектуальной характеристике протекания действия, какие имеются в случае наличия собственно непроцессуального вторичного образования (как *прочитывать*, *съедать*, *выучивать*, *раставать* и др.).

3. Следующую градацию в иерархии от центра к периферии представляют приставочные пары. Однако, как известно, те глагольные противопоставления, которые принято квалифицировать как приставочные пары, образуют весьма разнородный комплекс. В целом приставочные пары разнородны не только потому, что в так называемой чистовидовой перфективации участвуют разные префиксы (их число, по мнению сторонников этой концепции, достигает 16), но прежде всего потому, что посредством префиксации создаются видовые оппозиции неодинаковой семантической близости. Из них к центру поля видовой соотносительности непосредственно примыкают те, перфективный коррелят которых избирает, при многозначности во всех значениях, одну и ту же приставку и является соотносительным со своим исходным, мотивирующим глаголом во всех его предельных значениях. Такими перфективами можно считать образования с разными приставками: *поблагодарить*, *сделать*, *замаскировать*, *написать*, *процитировать*, *истратить*, *вылепить*, *охарактеризовать*, *подковать*, *украсть*, *воспользоваться*, *отомстить*, *присниться*, *переночевать* и другие, а возникшие таким образом видовые противопоставления можно назвать тривиальными приставочными парами.

Более трудно решимую теоретическую проблему представляет перфективация, осложненная "полипрефиксацией". При образовании видовой пары один и тот же исходный глагол часто перфективируется разными приставками либо в одном лексическом значении, различая очень тонкие, порой лишь стилистические оттенки (ср., например, *вымыть* и *помыть* при *мыть* или *похоронить* и *схоронить* при *хоронить*), либо в разных значениях, вследствие чего в СВ разграничиваются морфемно те семантические различия, которые диффузно наличествуют в бесприставочном глаголе. Например, снятие полисемантичности глагола *резать* с помощью разных конкретизирующих приставок дает несколько пар в результате того, что при заполнении валентности объекта практически не чувствуется семантического сдвига: *резать* – *порезать* (*обрезать*) *палец*, *резать* – *срезать* *мяч*, *резать* – *зарезать* *курицу*. Подобным же образом, с участием разных приставок перфективируются, согласно соответствующим внутриглагольным значениям, и такие глаголы, как, например, *бить*, *готовить*, *копать*, *рвать*, *слушать* и другие. Главную трудность при выделении таких приставочных пар мы видим в том, что семантическая близость мотивирующего глагола (являющегося общим для всех пар) и приставочного перфектива не всегда оказывается одинаковой. С этой проблемой сталкиваются и авторы словарей. В таких случаях они иногда непоследовательно проводят границу между парностью и непарностью. Например, глагол *готовить*, безусловно, соотносителен как с *приготовить* (*ужин*), так и с *подготовить* (*кого-л. к чему-л.*), но соотносительность в словаре [Апресян, Палл 1982] понимается еще шире, там отмечается также и пара *готовить* – *заготовить* (*дрова на зиму*) [там же, I : 323], хотя здесь префикс, как нам кажется, привносит и оттенок "заблаговременно". Если допустить, что *готовить* – *заготовить* приводится в качестве пары, то почему по-иному трактуется противопоставление *готовить* – *изготовить*? Нечеткость, диффузность соотносительности хорошо можно продемонстрировать и на примере глагола

копать. Глаголы *копать* и *вскопать* соотносительны с объектом "земля". Соотношение *копать* – *выкопать* требует объекта другого типа: "канавы", "ямы" и т.п. В этом значении может употребляться и другой приставочный глагол: *прокопать* (канаву). В третьем значении возникают также префиксальные варианты: *копать* – *выкопать/откопать* (червей) (ср. [Апресян 1967 : 86]). Отметим, что при "полипрефиксации" одного и того же исходного глагола обычно имеет место и вторичная имперфективизация. По-видимому, с одной стороны, по функциональным соображениям целесообразно расширять понятие видовой пары (как это, хотя и несколько противоречиво, делается в словарной и учебной практике), с другой стороны, при расширении это понятие становится все более расплывчатым и границы парности менее четкими.

4. Далее от центра отстоят оппозиции *видеть* – *увидеть*, *слышать* – *услышать*, *чувствовать* – *почувствовать*. Нельзя отрицать, что префиксация здесь создает новое значение, не присущее глаголам НСВ – значение, связанное с признаками начинательности и моментальности. Однако если подвергнуть эти противопоставления преобразованиям "прошедшее СВ → настоящее историческое НСВ" или "однократное действие СВ → многократное действие НСВ", то окажется, что они функционируют так, как видовые пары. В самом деле, эти бесприставочные глаголы естественно употребляются в форме нарративного презенса: *В общем, иду по улице и вдруг слышу какой-то стон* (Зоценко. Ночное происшествие). *Вдруг видим, из одной воронки выскочил фашистский солдат* (Зоценко. Солдатские рассказы). Замена *вдруг почувствовал* → *вдруг чувствую* тоже является естественной. Как показывают примеры, при транспозиции в план настоящего исторического под воздействием контекста сохраняется оттенок начинательности, моментальности, что позволяет рассматривать формы типа *увидел* и *видит* как лексически тождественные. Это, однако, не означает того, что сами эти глаголы ничем не отличаются кроме значения вида, ведь ясно, что в изолированном бесприставочном глаголе отсутствуют компоненты начинательности и моментальности. Они развиваются под влиянием других факторов, на уровне высказывания. Именно поэтому характер их функционирования часто свидетельствует об их парности. (Смотри, кроме указанных преобразований, употребление данных глаголов в контекстах при выражении последовательных, сменяющихся друг за другом действий: *пришел, увидел, победил*, а также в контекстах типа *Он разное видел, но главного не увидел*, сближающих их с тривиальными приставочными парами (типа *делать* – *сделать*) и тем, что вместо начинательного значения глагола СВ на первый план здесь выступает результирующее значение.) Таким образом, к приведенным выше оппозициям нельзя приравнять несоотносительное противопоставление *любить* – *полюбить*, в котором отличительный признак начинательно-результативного значения перфектива ни в каком контексте, ни при каких трансформациях не теряет силу (например, *он полюбил ее ≠ он любит ее*) (ср. [Маслов 1948 : 307]).

Относительно словарной репрезентации нетривиальных приставочных пар типа *видеть* – *увидеть* лексикограф оказывается перед альтернативой: а) можно следовать тому принципу, что указанные оппозиции не являются видовыми парами из-за семантической модификации исходного глагола, относящей образования СВ к способам действия; б) в функциональном аспекте данные оппозиции можно рассматривать как видовые пары, считая, что этому аспекту уступает изолированное морфологическое рассмотрение противопоставленных глаголов. При возможности выбора отсутствие единства в словарях при описании глагольных оппозиций – закономерное явление. Так, например, в словаре С.И. Ожегова глаголы *видеть* и *увидеть*, *слышать* и *услышать* приводятся как видовые пары, а глаголы *чувствовать* и *почувствовать* репрезентируют самостоятельные словарные статьи. В словаре, посвященном глагольному управлению и сочетаемости [Апресян, Палл 1982], к глаголу *видеть* тоже дается коррелят, но у глагола *слышать* он отсутствует, а глагол *чувствовать* отмечен как

соотносительный с *почувствовать*. На наш взгляд, эти три оппозиции внутри одной работы не должны различаться в квалификации по парности или непарности.

5. Создаются и такие оппозиции, которые проявляют еще меньше признаков видовой соотносительности, следовательно, они представляют отдельный уровень в структуре поля. Это "пара" типа *идти – пойти*. Остановимся на этом соотношении более подробно. В "Русской грамматике" говорится: "Глаголы одноподвижного движения образуют с префиксом *по-* глаголы совершенного вида с начинательным значением, которые остаются несоотносительными глаголами совершенного вида: *пойти, побегать, поплыть*" [Русская грамматика 1980 : 591]. В аспектологии принимается без каких-либо возражений, что образование видовой пары от исходного глагола НСВ обуславливается его предельным значением. В связи с этим в "Русской грамматике" можно обнаружить следующее несоответствие: там утверждается, что "глаголы одноподвижного движения – это глаголы предельные, называющие такое движение, которое направлено на достижение предела (в прямых значениях – пространственного)" [Русская грамматика 1980 : 595]. Необоснованность сказанного в сопоставленных цитатах заключается в том, что по принятой в "Русской грамматике" концепции предельность служит семантической базой для видовой парности [Там же: 595]. Следует заметить и то, что одноподвижные глаголы сами по себе не являются предельными, они ведут себя нейтрально по отношению к пределу, данный признак развивается только при реализации валентности цели (так, *Он шел домой* – предельное действие, но *Он шел быстро* – непредельное).

В абсолютном употреблении, естественно, соотносительности не может быть. Вопрос состоит в том, могут ли быть парными те же самые глаголы при указании пространственной цели движения? Обозначает ли глагол *пойти* достижение этой цели как результата? Чтобы дать однозначный ответ, необходимо истолковать общий смысл глагольной фразы в разных контекстах. Согласно этому можно отметить три возможные интерпретации.

(1) Наличие актанта цели без дальнейшего уточнения допускает лишь неопределенную интерпретацию смысла действия: *Он пошел домой* = 'Он стал идти, продолжал начатое движение в направлении к указанной цели, и при этом неизвестно, включает ли этот процесс и достижение цели'.

(2) Несмотря на указание пространственной цели движения, действие может восприниматься как определенно-начинательное; его вторичная результативная функция актуализируется с минимальной вероятностью – как об этом сообщает ситуативный контекст: *Я долго сидел в саду. Потом пошел домой. Но когда подходил к дому, вдруг вспомнил, что оставил свой зонтик на скамейке* (Зощенко. Леля и Минька). *Они пошли с Машей домой. Дорогой Сашка все изумлялся про себя...* (Шукшин. Обида).

(3) При ограничении ситуативного контекста результативность, проявляющаяся в достижении цели движения, может быть и очевидной: в цепи минимально двух действий осмысление этого признака зависит от того, о чем сообщает действие, следующее в повествовании. Например: *Они пошли в сад и сели там на скамью под старинным кленом...* (Чехов. О любви). *Михаил пошел на почту и отбил брату и сестрам телеграммы...* (Распутин. Последний срок).

Постановка вопроса о видовой парности в случае первой и второй интерпретации, очевидно, является нереальной. В третьей интерпретации, однако, она заслуживает внимания, хотя нельзя не заметить и того, что значение достижения результата развивается контекстуально, только на уровне высказывания. Для проверки, имеет ли место в нашем случае такого же рода семантическое различие между НСВ и СВ, что и в обычных приставочных парах (как, например, *писать – написать*), можно предложить те операции, к которым принято прибегать при определении лексической тождественности двух глаголов противоположного вида.

В этом отношении обе трансформации, и тест в настоящем историческом, и тест многократности, дают позитивный результат. Приставочная форма *пошел* свободно заменяется бесприставочный *идет*, так же, как и в общепризнанных парах: а) *Он пошел в угол, (...) сел на лавку и уперся локтями в колени* (Федин. Старик) → *Он идет в угол, садится на лавку и упирается локтями в колени*; б) *После тренировки он пошел домой, поужинал и лег спать* → *После тренировки он (обычно) шел домой, ужинал и ложился спать*. Эти преобразования, безусловно, говорят в пользу признания рассматриваемых глаголов видовой парой, доказывая, что они проявляют явное семантическое сближение друг с другом. Однако можно привести и такие аргументы, которые показывают, что возможность преобразования однократного действия СВ из плана прошедшего в план настоящего исторического или в план многократности не является абсолютным и универсальным доказательством тривиальной соотносительности. Итак, после утвердительной аргументации приведем три отрицательных аргумента, противоречащих безоговорочному принятию оппозиции типа *идти* – *пойти* в качестве видовой пары.

(1) Употребление настоящего исторического оказывается возможным не только при реальном достижении пространственной цели движения, но и при неизвестности ее реализации. Для использования формы настоящего вместо прошедшего, как кажется, достаточно указать на цель движения, независимо от того, достигнута ли она или нет. *Студент совершенно поправляется, встает на ножки и идет на домовое собрание* (Зоценко. Серенада). В приведенном контексте статус субъекта по отношению к цели движения не проявляется.

(2) То значение, на основании которого предполагается видовая соотносительность в оппозиции *идти* – *пойти*, целиком вытекает из контекста: как предельное значение исходного глагола, так и достижение пространственной цели актуализируются под воздействием внешних факторов, в рамках целостного высказывания. В тривиальных приставочных парах, как известно, именно префикс является основным элементом, придающим действию значение результативности, а в нашем случае префикс указывает лишь на начало движения.

(3) В соотношении *идти* – *пойти* функциональный "недостаток" можно обнаружить и в исходном глаголе НСВ: в результативном употреблении (что является предпосылкой соотносительности) он не может выступать в значении общефактического действия (ни в одной из его разновидностей), тогда как все агентивные, собственно процессуальные глаголы легко развивают это значение (в специальном контексте даже многие неагентивные – ср. *Вы еще не ошибались в такой ситуации?*). Глаголы в контекстах типа *Он(уже) шел/ехал/бежал домой* означают только конкретный процесс, тогда как глаголы *писал, читал, строил, готовил* и другие могут констатировать и общий факт в прошлом. Фраза *Я уже читал этот роман, зачем же еще раз (читать)* – правильна, однако по этой аналогии не может быть сформулирована фраза **Я уже ехал в Москву, зачем же еще раз (ехать)*. Однонаправленным глаголам – по семантическим причинам – чужда идея общефактического значения, если при них обозначена цель движения, но не обозначен маршрут. Ср. глагол в общефактическом значении в зависимости от разного расположения данных актантов. Можно сказать: *Я уже ехал по этой дороге* или *Я уже ехал домой по этой дороге*, но нельзя: **Я уже ехал домой на прошлой неделе (сейчас не еду)*, потому что достижение результата предполагает двунаправленное действие (движение), которое может быть выражено только другим глаголом, взятым из серии ненаправленных – в данном случае глаголом *ездить*. Таким образом, если настаивать на том, что глаголы *идти* и *пойти* составляют видовую пару, то парадигма НСВ довольно своеобразно должна быть дополнена супплетивным способом, что привело бы к ряду других теоретических проблем.

Вместо этого мы предлагаем другой теоретический вывод. Анализ данной оппози-

ции в разных контекстах показывает, что она имеет и признаки парности, и признаки непарности. Глаголы такого противопоставления в какой-то степени соотносительны, они, по-видимому, находясь как бы на грани парности и непарности, занимают в иерархии понятийного поля видовой соотносительности периферийную зону.

6. Поскольку поле не имеет четких границ (как и не имеют их те зоны, которые устанавливаются в его структуре), при тонкой градации этого многоуровневого комплекса следует выделить и его "дальнюю периферию". Сюда входят наиболее сомнительные "пары", приводимые сторонниками чрезмерно широкого понимания видовой соотносительности (ср. [Черткова 1995]), в частности, и противопоставления по делимитативному способу действия с приставкой *по-*. Хотя в глаголах *посидеть*, *постоять*, *поиграть* и других выражается значение 'некоторое время, оцениваемое говорящим как сравнительно краткое', оно в какой-то степени теряет свою силу, если говорящий, соблюдая определенные правила, просто должен употребить СВ, однако, он имеет в своем распоряжении только данный способ действия. Например, в диалоге – *Садитесь. – Спасибо, я постою* – выбор делимитатива объясняется в первую очередь необходимостью использования простого будущего, а не желанием говорящего выразить кратковременность стоячего положения. По сходным соображениям Ф. Леманн предлагает говорить о функциональном партнерстве глаголов [Lehmann 1988 : 177–178], однако большинство приведенных им примеров из художественной литературы не очень убедительно, так как в рассматриваемых образованиях не стирается значение соответствующего способа действия. Ср. *Помолчал, он спросил* (т.е. 'не долго'). *Загудел лифт* (т.е. 'начал гудеть'). (...) *Он, сделав два шага вслед за Леной, постоял в коридоре и вернулся в комнату* (т.е. 'некоторое время'). *Я посижу с ним дня два, все ему объясню* (эксплицитно выражена ограниченность во времени). (...) *Неожиданно она заговорила изменившимся, льстивым голосом* (т.е. 'начала говорить').

Логику функционального подхода Ф. Леманна можно понять, хотя, наверное, не все аспектологи согласны с его интерпретацией, затушевывающей различия между видом (как более или менее грамматикализированным явлением) и способами действия (по крайней мере, некоторыми из них), представляющими лексико-семантический уровень аспектuality. По этому вопросу автор высказывается эксплицитно, замечая, что в функциональное понятие партнерства включены не только глаголы с "пустыми приставками" (*строить – построить* и т.д.), но и некоторые глаголы "способов действия" [Lehmann 1988 : 180]. При расширенном понимании какого-либо явления, по нашему мнению, необходимо дифференцировать сложившиеся в нем различные и разного рода отношения.

Коснемся еще одного соотношения – противопоставления *искать – найти*. Хотя глагол *искать* в словарях зафиксирован как непарный, в некоторых работах к нему дается супплетивный коррелят *найти* [Авилова 1976 : 247, 249; Янко-Триницкая 1982: 97]. Здесь дело не в том, что интуитивно чувствуется семантическая близость ("лексическое тождество") противопоставленных глаголов. В этом случае другие, функциональные, обстоятельства наталкивают некоторых авторов на мысль о том, чтобы рассматривать данные глаголы в качестве соотносительных. Среди видовых пар русского глагола выделяется обширная группа, имеющая семантическое противопоставление 'стремление к тому, осуществление чего обозначает глагол СВ'. Это – актуализация в одном аспектуальном контексте конативно-тендентивного значения НСВ, в котором проявляется потенциальный предел действия, и результативного значения СВ с обозначением реального (реализованного, достигнутого) предела. Достижение предела часто связывается с отрицанием, что указывает на безуспешность, безрезультатность стремления: *решал, но не решил; уговаривал, но так и не уговорил; встречал, да не встретил; ловил, но не поймал* и т.п. На первый взгляд действительно кажется что соотношение *искать – найти* также входит в этот ряд. Ср. два аналогично построенных предложения – в первом употребляется никем не

оспариваемая супплетивная пара, а во втором "окказиональная супплетивная пара" *искать – найти*: а) *Он весь день ловил рыбу, но ни одной не поймал*, б) *Он весь день искал моллюсков, но ни одного не нашел*.

Дело в том, что при употреблении подлинной видовой пары данное противопоставление осуществляется в рамках одного и того же лексического значения, однако, глаголы *искать* и *найти* в подобном контексте выражают явно разные лексические значения. Поэтому оппозиция *искать – найти*, конечно, не выдерживает ни пробу на настоящее историческое (форма *нашел* никогда не заменяется формой *ищет*), ни пробу на итеративизацию (*искал* никогда не значит "много раз + *нашел*"). Ю.С. Маслов приравнивал семантику глагола *искать* к 'безуспешной попытке' (в отличие от глаголов *ловить*, *уговаривать* и других, которые могут обозначать 'успешную попытку'). Он имел в виду те безрезультатные процессы, которые "не ведут ни к какому скачку в новое состояние, остаются равными себе на всех отрезках своего протекания и, таким образом, не дают никакой перспективы, кроме перспективы бесконечной себестождественной длительности" [Маслов 1948: 309].

При первом рассмотрении, как кажется, можно было бы предположить, что при включении в приведенное соотношение глагола *находить* образуется трехчленное соотношение, внутри которого перфектив *найти* по-разному коррелирует с процессуальным, нерезультативным глаголом *искать* и с результативным, непроцессуальным *находить*. Однако такая аргументация, насколько бы приемлемой она на первый взгляд ни казалась, оказывается несостоятельной. Нельзя не заметить, что первичный и вторичный имперфективы "подлинных" троек, несмотря на их явно разную аспектуальную характеристику, могут функционально сближаться, оказавшись в позиции взаимозаменяемости (относительной синонимии): *Он все читает / прочитывает, что приносят ему из библиотеки; Он ест / съедает по кило фруктов в день*. В отличие от этого, глаголы *искал* и *находил* ни в каких позициях не могут заменять друг друга, поскольку у них нет общего лексического значения (вследствие отсутствия реального предела у глагола *искать*). На основе изложенного можно заключить, что соотношение *искать – найти* не является супплетивной видовой парой, но тем не менее следует признать, что в нем, по крайней мере в показанном типе контекста, проявляются и признаки, сходные с парными глаголами.

Сделаем некоторые выводы. Мы считаем естественным явлением то, что понятие видовой парности на функциональном уровне не может суживаться, – напротив, оно охватывает гораздо больше глагольных противопоставлений, чем это отражается, например, в 17-томном словаре русского языка, в котором практически зафиксированы только суффиксальные пары. Из этого, однако, не следует, что все оппозиции "функционального партнерства" равносильны, что степень проявления признаков соотносительности одинакова. Следовательно, пары типа *дать – давать, писать – написать, видеть – увидеть, идти – пойти (куда-л.)* и другие не должны быть поставлены в один ряд, они относятся к разным уровням семантической спаянности. Применительно к "нечистым" и спорным противопоставлениям по виду можно предложить, в частности, термин "приблизительная видовая пара", как делал это Ю.С. Маслов, может быть, слишком строго, применительно к таким приставочным парам, которые мы квалифицировали как "тривиальные" (пары типа *писать – написать*) [Маслов 1964 : 84]. Представленная разнородность противопоставлений позволяет охарактеризовать видовую соотносительность не только на основе семантических типов видовых пар (как это сделано в работе М.Я. Гловинской [Гловинская 1982а]), но и по степени грамматикализованности, семантической близости глаголов НСВ и СВ, объединенных в оппозицию. Изложенный по такой концепции материал может служить и объяснением того, почему выделение видовых пар вызывает колебание как в аспектологии, так и в словарной и учебной практике. Эти "противоречия" можно понять и простить.

3. ВИДОВАЯ ПАРА И ПОНЯТИЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

Несмотря на почти вековую дискуссию о словоизменительном (по другому, хотя и не абсолютно равнозначному термину, формообразующем) или классифицирующем (т.е. словообразовательном) характере глагольного вида, окончательного решения этого вопроса до сих пор нет. В результате этой дискуссии, как известно, в основном сложилось три концепции. 1. Образование видовой пары – это чисто грамматический, словоизменительный процесс, в который включается, помимо имперфективации, и перфективация с "чистовидовой" ("лексически пустой", "грамматикализованной", "аспектуализованной") приставкой (см. более подробно об этом в работах А.Н. Тихонова, в частности [Тихонов 1964]). 2. Любая видовая пара, образованная либо в процессе "чистой" перфективации, либо имперфективации, является результатом словообразования. Такая трактовка всегда существовала на разных этапах аспектологии (например [Авилова 1959: 1976]) и сильна и по сей день [Милославский 1981 : 175–176; Падучева 1989: 24; Lehmann 1988]. 3. Подход петербургской аспектологической школы отличается своей дифференцированностью: согласно этой концепции, весьма распространенной в аспектологии, суффиксальные пары представляют собой словоизменительный тип, а приставочные – классифицирующий (см., в частности [Маслов 1963 : 3]).

Интерпретация видовых пар в полевой структуре, естественно, не позволяет рассматривать все типы пар в качестве одного и того же слова, но в принципе не исключает возможности такой трактовки для суффиксальных пар, квалифицируемых как прототипические. Поэтому в дальнейшем мы ограничимся рассмотрением только суффиксальных пар. Ю.С. Маслов, подчеркивая кроме семантического критерия (тождество лексического значения) и характер регулярности и последовательности образования, приравнивал имперфективацию к другим парадигматическим изменениям глагола: "...Глагол изменяется (спрягается) по видам в принципе так же, как он изменяется (спрягается) по временам, наклонениям, лицам и числам" [Маслов 1963 : 3]. Насколько бы метким ни казалось это замечание Ю.С. Маслова, в нем можно усомниться по двум причинам.

1. Дело в том, что значение лица, числа, времени и наклонения выражается с максимальной (хотя и не абсолютной) регулярностью и делается это большей частью посредством флексий, (поэтому вполне естественна их словоизменительная роль). Имперфективация, по сравнению с упомянутыми категориями, не так регулярна и последовательна. Ее относительная регулярность характеризуется некоторой неустойчивостью образования: известно, что далеко не от всех глаголов СВ можно образовать парные глаголы НСВ (*закричать*, *разволноваться*, *очутиться*, *отужинать*, *всплакнуть*, *грянуть*, *рухнуть*, *хлынуть*). Семантическая причина видовой "дефектности", на которую в связи с этим принято ссылаться, по-видимому, во многих случаях (в том числе и при выражении моментальности) не препятствует имперфективации – и становится возможным обозначение многократности (см. *заговаривать*, *вскрикивать*, *наигрывать*, *отсиживать* и др.). Следует учитывать и то обстоятельство, как уже указывалось выше, что имперфективация иногда принципиально возможна и тогда, когда образуется довольно редко употребительная, более того, искусственная или диалектная форма (*забривать*, *расцеловывать*, *уезживать*). Возможность или невозможность имперфективации в целом, как кажется, зависит не только от семантических, но и от морфологических условий и тесно связанных с ними фоноэстетических причин (ср., например, невозможность образования **закрикивать* от глагола *закричать*).

2. О "капризности" имперфективации свидетельствуют и те, в целом немногочисленные, примеры, когда при формально правильной имперфективации создается новое лексическое значение: *заблудиться* → *заблуждаться*, *положить* → *полагать* (но: *положиться* – *полагаться* – пара!), *прожить* → *проживать* и другие. С относительностью имперфективации связаны и те факты, когда в этом процессе возникает и

новое значение, несоотносительное с глаголом СВ. Хотя разная семантическая структура глаголов, объединенных в пару, в большей части случаев наблюдается у приставочных пар, это явление не чуждо и суффиксальным корреляциям: например, *ответить* – *отвечать* (на что), но *отвечать* требованиям (СВ нет). При этом, конечно, ясно, что о видовой паре можно говорить уже и тогда, когда глаголы соотносительны по крайней мере в одном лексическом значении, ведь, как было отмечено выше, соотносительность приписывается глаголу не в целом, а его отдельным внутриглагольным значениям. Однако с точки зрения того, являются ли члены видовой пары (имеется в виду прототипическая пара) грамматическими формами одного и того же слова или отдельными словами, отнюдь не безразлично, обнаружены ли кроме соотносительных (т.е. лексически тождественных) значений и несоотносительные, лексически отличающиеся. В этом отношении мы сталкиваемся со следующей "загвоздкой": объединение некоторых лексических значений глагола НСВ и глагола СВ в одну лексему позволяет заключить, что те значения, которые остаются несоотносительными по виду, как бы выводятся из состава лексемы и, парадоксальным образом, относятся к явлению омонимии. В конечном счете с этой логикой можно было бы согласиться, но она вряд ли находится в соответствии с тем "исходным положением", что видовая парность проявляется в многозначном глаголе, значит, не во всех значениях одного и того же глагола.

Другой аргумент против признания видовой пары в качестве одной лексемы состоит в том, что данное противопоставление формируют не флексии (т.е. морфемы, предназначенные для словоизменения), а суффиксы (т.е. морфемы, предназначенные, в первую очередь, для образования нового слова). При этом глаголы видовой пары, безусловно, обладают всеми морфологическими признаками самостоятельного слова, оба коррелята имеют свой набор флексий и отдельную систему спряжения. Вопрос, следовательно, состоит в том, достаточно ли опираться при решении вопроса о словоизменении или словообразовании исключительно на единственный аспект – на соблюдение лексического тождества коррелятов, тогда как данная категория описывается в рамках морфологии? Трактовка вида как классифицирующей категории не означает, что тем самым снимаются строгие семантические критерии соотносительности: "... Видовая пара является высшей грамматической абстракцией, при которой различие соотносительных пар заключается только в противоположности видов при абсолютной лексической тождественности разных глаголов" [Авилова 1959 : 21]. В свете сказанного можно утверждать, что только семантические аргументы позволяют признать видовую пару словоизменительного типа. Те аргументы, однако, которые подчеркивают морфологическую структуру глагола, безусловно, относят данную категорию к области словообразования. Это противоречие можно устранить, расширив традиционное понятие "спряжение" и тем самым по-иному проведя границу между парадигматикой и словообразованием глагола. Такая мысль была выдвинута А.В. Исаченко [Исаченко 1960 : 137], подчеркнувшим, что внутриглагольное формообразование видов происходит не при помощи флексий, как грамматических показателей, а посредством изменения внутри основы, и это объясняется исторически: "видовые различия восходят к различиям лексическим; грамматические приемы видообразования являются продолжением старых словообразовательных приемов" [Исаченко 1960 : 138].

Возможен и другой, более естественный выход из противоречивого положения. Если доказывается, что вид имеет и признаки словоизменения, и словообразования, то целесообразно охарактеризовать его как промежуточную категорию. Такой "компромиссный" подход был предложен М.Я. Гловинской [Гловинская 1986 : 3], хотя она, в отличие от концепции настоящей статьи, на функционально-семантическом основании не проводит грань между формально разными типами видовых пар – приставочными и суффиксальными [там же]. Практически это же (смежный, промежуточный характер) ранее имел в виду А.М. Ломов, утверждая, что вид предполагает совмещение двух принципов грамматической характеристики – словоизменительного и

классификационного [Ломов 1977 : 19]. Такую трактовку можно поддержать не только на основе вышеприведенных аргументов, к ним можно добавить и другие доводы. Роль лексики в реализации отдельных частных значений должна заставить нас быть осторожными при отнесении видообразования к словоизменительному процессу. По всей видимости, о безусловно чистой грамматичности этой категории можно говорить лишь в связи с общим значением (инвариантом) СВ и НСВ, однако, как убедительно показано в работах [Маслов 1948; Гловинская 1982а; Апресян 1988], в возможности актуализации частных значений (процессного, общефактического, потенциального и других) играет роль и глубинная семантика (случайность, перформативность, моментальность и т.п.), значит, опосредованно, общий тип лексического значения глагола. Следовательно, вид и с е м а н т и ч е с к и не является чисто словоизменительной категорией, а признанию вида словообразовательной категорией мешают, парадоксально, семантические требования данной категории: в этом процессе (при соотносительности) не должны рождаться новые лексические значения, хотя образование нового самостоятельного слова трудно представить при сохранении тождества лексического значения. Неслучайно из сравнения вида с другими глагольными категориями опять вытекает, что ни лицо, ни число, ни время или наклонение не ограничены (или в гораздо меньшей степени ограничены) лексической семантикой глагола. Поскольку мы здесь имеем дело с таким явлением, которое частично соприкасается как со словоизменением, так и со словообразованием, образование чисто видовой пары суффиксального типа логично рассматривать как смежный, промежуточный тип. Формообразованием можно было бы его назвать только в том случае, если принимаются положения (согласно рассуждениям А.В. Бондарко [Бондарко 1974 : 4–5]), что "зоны формообразования и словообразования пересекаются, образуя общий сегмент, в котором представлено как то, так и другое явление (без смешения)" [там же: 5], и что "...граница между образованием форм одного слова и форм разных слов (...) проходит внутри области формообразования" [там же: 5]. Однако такую трактовку формообразования, как нам представляется, можно принять только с натяжкой.

По нашей трактовке естественно, что соотношения, занимающие переходные и периферийные зоны в поле видовой соотносительности (за пределами его центра), могут быть охарактеризованы только в рамках словообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Н.С. 1959 – О категории вида в современном русском языке // РЯШ. 1959 № 4.
 Авилова Н.С. 1976 – Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
 Апресян Ю.Д. 1967 – Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
 Апресян Ю.Д. 1988 – Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.
 Апресян Ю.Д., Палл Э. 1982 – Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. 1 – 2. Будапешт, 1982.
 Бондарко А.В. 1963 – Об одном типе видовой соотносительности глаголов в современном русском языке // ФН. 1963. № 1.
 Бондарко А.В. 1971 – Виды глагола и способы действия в русском языке // РЯШ. 1971. № 2.
 Бондарко А.В. 1974 – Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий // ВЯ. 1974. № 2.
 Бондарко А.В. 1975 – Глагольный вид и словари // Современная русская лексикография. Л., 1975.
 Бондарко А.В. 1983 – Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
 Булыгина Т.В. 1983. – Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
 Гловинская М.Я. 1982а – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
 Гловинская М.Я. 1982б – К понятию чисто видовой пары // Проблемы структурной лингвистики. М., 1982.
 Гловинская М.Я. 1986 – Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1986.
 Исаченко А.В. 1960 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.

- Карцевский С. 1962 – Из книги "Система русского глагола" // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Ломов А.М. 1977 – Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Маслов Ю.С. 1948 – Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН ОЛЯ. 1948. № 4.
- Маслов Ю.С. 1958 – Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.
- Маслов Ю.С. 1963 – Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.: Л., 1963.
- Маслов Ю.С. 1964 – Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках) // Славянская филология. 1964.
- Маслов Ю.С. 1984 – Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Милославский И.Г. 1981 – Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
- Мучник И.П. 1956 – О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке // ВЯ. 1956. № 6.
- Ожегов С.И. 1989 – Словарь русского языка. 21-е изд. М., 1989.
- Падучева Е.В. 1989 – К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1989. № 12.
- Петрухина Е.В. 1990 – К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 1990. № 4.
- Ройзензон Л.И. 1966 – Существуют ли чистовидовые приставки в славянских языках? // Материалы научной конференции по языкознанию: (К 75-летию проф. Е.Д. Поливанова). Самарканд, 1966.
- Русская грамматика. 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Тихонов А.Н. 1964 – Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // ВЯ. 1964. № 1.
- Черткова М.Ю. 1995 – Вид глагола как словоизменительная категория в концепции В.В. Виноградова // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова: Сб. тезисов докладов. М., 1995.
- Шелякин М.А. 1983 – Категория вида и способы действия русского глагола: (Теоретические основы). Таллин, 1983.
- Янко-Триницкая Н.А. 1982 – Русская морфология. М., 1982.
- Ясаи Л. 1990 – Характер вариативности бесприставочных и приставочных инхоативных глаголов несовершенного вида // Russistik / Русистика. Берлин. 1990. № 2.
- Ясаи Л. 1991–1992 – Заметки об одном типе видовых троек русского глагола // Studia Slavica Academiae scient. hungaricae. Budapest, 1991/1992. T. 37, fasc. 1/4.
- Lehmann V. 1988 - Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // ZSIPh. 1988. Bd. 48. № 1.
- Mulisch H. 1969 – Zum Problem der präfixalen Aspektkorrelationen in der russischen Gegenwartssprache und ihrer Verifizierung im Kontext // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogische Hochschule. Dresden 1969. H. 4.
- Veyrenc J. 1965 – Un problème de formes concurrentes dans l'économie de l'aspect verbal en russe: imperfectifs premiers et imperfectifs seconds // Slavica. V. Debrecen, 1965.